

(Оконч. Нач. в № 46-47).

...Отец был потомственным плотником. Однажды привел он шестилетнего сына под навес и сказал: «Ну вот, сынок. Настала пора и тебе ремеслу учиться. Держи». Шершавые руки отца протянули большой молоток и горсть мелких гвоздиков.

—Сноровка, сынок, всегда приходит через терпение. Когда их все забудешь, позовешь меня...

Отец пододвинул старую лестничную сколоду к скамье, на которой сидел мальчик, а сам принахаживался к работе. До сих пор помнит Савельич боль в избитых пальцах, и только на последних гвоздиках дело пошло на лад.

—Упрямый, однако. Значит, будет толк, — похвалил отец, подтолкнув сына к кадлушке с водой. —Иди, смой кровь с губы...

Отец хотел меня видеть честным и работящим, — с расстановкой сказал Савельич. —Таким я и старюсь быть.

—Старайся, старайся, — Сашка ухмыльнулся, — всю жизнь на сани-нарнике отработал, а в итоге — нищета. Забитый ты какой-то, Савельич. Надо тебе более энергичным быть, не упускать своего. Вон сосед твой, Емельян Матвеевич — крепкий мужик. Простой сторож, а богат. Дом — хоромина, машина есть, в доме чего только нет...

—По Емельяну давно торьма плечет. Бесчестный он человек. Нашел с кем сравнивать, — Савельич даже плюнул с досадой. —Да я скорей умру, чем своих же сельчан обманывать...

—Пойми, нанятый ты человек, что честных людей не существует, — Сашка снисходительно посмотрел на старика. —просто одни больше и чаще врут, а другие меньше и реже. Вы все привыкли в правду играть и верите ей,

Б. Еремий

Савельич

Рассказ

как вам нужно. Вот это и есть савельич, а вы — пошлость по отношению к нам.

—Правда, она и есть правда. Для всех одна, — ответил Савельич, напрягаясь, — за нее люди жизнь отдавали.

—Сколько книжек про героев прочитал да фильмов посмотрел, а не помню что-то такого. За революцию, за коммунизм, за Ленина, за Сталина — везде и всегда, но чтобы за правду, такого не встречал.

—А про Родину ты забыл? Она и есть то святое, за что умирали люди, — сказал старик сдержанно и глухо.

—Савельич, ты наивен, как ребенок, — Сашка хмыкнул, покровительственно улыбаясь, — да каждый политик всегда прикрывался интересами Родины. Вот тебе Афганистан, вот тебе и сталинские лагеря. Ты-то сам поди раньше за Сталина жизнь свою не задумывался, отдавал бы? Признайся, Савельич, разве не так? —Сашка победно посмотрел на старика.

Легкий ветерок изменил направление. Дым костра потянулся в сторону сидящих. Вот так же жарило дымом на передовой в том далеком сорок втором. Перепаханная взрывами земля сотрясалась и гудела. Затылковые лампы солдат обращены в сторону безразного колка, откуда за спиной, разбегавшись в боевой по-

ложил ее в костер и, глядя на огонь, плуто ометил:

—Да. Я тоже отдавал бы жизнь. Он для нас в то время был всем.

—Вот-вот, все-м! — подхватил Сашка. — Слепая вера в вождя и дала ему возможность бесчинствовать. Именно вот такие — пластитиновые люди и довели страну до ручки. А еще изображают из себя героев. —Сашке очень хотелось блеснуть перед другим своими способностями. Сегодня такой случай представился. Все шло как по маслу. Старик повержен почти без сопротивления и Володькин уважительный взгляд приятно тешил самолюбие спорщика. Сашку покосило.

—С вами выпить и то невозможно. Как подогреетесь, так и пошло, поехало... Да кому это надо. Может, жизнь сейчас лучше была бы, если бы вы не сопротивлялись.

Савельич поблелел. —Сашка, что ты мелешь? Люди кроющую проливали да жидкие ставали за тебя, обормоте, а ты, поганец, их пачкаешь.

—Нет, это вы испачкали наши истые намытые души вражеским. Сашка нахмурился, с несмешливым. Вот, дети, дедушка Ленин Оч гадкий, Любимое его. А это до-ротой наш Леонид Ильич Брежнев. Он член презорный ум Любите его тоже. Он «Малой зем-лей» великую войну выиграл

Учите книжку Великого писателя.

Ненинское знамя, № 8, 1993 г.

—Сашка зло и беспощадно ерни-чал, глядя на Савельича. —А этот писатель прошепелявил слово, и вот вам война в Афганистане. И погибли парни, а за что — неиз-вестно! Савельич, а может, они погибли за правду или за Родину? Молчишь... А ведь ваше поколе-ние судить надо за то, что вы ис-калечили наше. Мы на вашей со-вести.

...Ночь была светлая и тихая. Луна, запутавшись в ветках бере-зы, серебрила ближний перекарт. В низине, где-то посреди поля, за-рождались туман. Седущая трава изогнулась к благоухающей осто-пей земле. Неждомайя птица ос-торожно жаловалась на свое оди-ночество. Дыхание уходящего ле-та чудилось в приглушенном го-лосе реки.

Старик медленно встал. Его су-тулая фигура была какой-то ви-новатой и неловкой. Только жел-заки на обгнутых шестистых скалах выдавали его внутреннее напряжение. Помолчав, Савельич произнес:

—Может, мы в чем и винова-ты перед вами... Жили, как уме-ли... Сердце что-то тоскует... Пой-ду я домой...

Молодые переглянулись: —Ты что, Савельич, обиделся что ли? А рыбалка?

Дед, безнадёжно махнув рукой, встал в густом сумраке. Насту-пило редовое молчание.

Через час костер стал блекнуть а свете нарождающейся зари. Туман с полей скатывался в реку, цепляясь за прибрежные кусты и деревья. Сонные птицы пробова-ли свой голос. Начался утренний хар. Пиклева была уверенной и легкой. Срывов почти не было. Узарг охватил рыбаков. Солнце ставило над землей.

В это утро Савельич умер.